
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЗГЛЯДЫ ПЛЕХАНОВА ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ В ПЕРИОД ВЫРАБОТКИ ПРОГРАММЫ РСДРП

1. Проекты партийной программы, составленные Плехановым

Начало XX в. ознаменовалось мощным подъемом революционного движения в России. Ему способствовал кризис 1900—1903 гг., приведший к громадному росту безработицы и резкому снижению заработной платы рабочих.

В статье «Уроки кризиса» (август 1901 г.) Ленин писал: «В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране. К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян. Безработных рабочих высылают из городов в деревни, но куда будут высылать безработных крестьян? Высылкой рабочих хотят очистить от беспокойного народа города, но, может быть, высылаемым удастся пробудить хоть часть крестьян от их вековой покорности и поднять их на заявления не одних только просьб, но и *требований?*»¹

От экономических стачек рабочие стали переходить к политическим стачкам, а затем и к демонстрациям под лозунгом «Долой царское самодержавие!» В 1901 г. во время первомайской стачки на Обуховском заводе в Петербурге произошло кровавое столкновение между рабочими и войсками, вошедшее в историю революционного движения в России под именем «Обуховской обороны». В 1902 г. имели место крупные стачки и демонстрации рабочих в Петербурге, Москве, Киеве, Баку, Батуми,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 77.

Нижем Новгороде, Одессе, Ростове-на-Дону. Стачки эти проходили под руководством местных комитетов РСДРП. Еще больший размах получило стачечное движение в 1903 г., охватившее Закавказье и ряд крупнейших городов Украины. Под влиянием подъема рабочего движения развернулось крестьянское движение, главным образом в Поволжье и на Украине.

В стране быстро назревала революционная ситуация. Характеризуя назревавшую в России революцию и ту роль, которую призван сыграть в ней российский пролетариат, Ленин писал: «История поставила перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи... сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»¹.

Но, для того чтобы пролетариат России мог успешно выполнить свою руководящую роль в предстоявшей революции в России, он сам нуждался в руководстве со стороны революционной марксистской партии. Приближение революции поэтому с особой остротой выдвигало вопрос о партийном руководстве борьбой масс. Между тем, несмотря на то что состоявшийся в 1898 г. I съезд Российской социал-демократической партии объявил об образовании партии, в действительности партия тогда еще не была создана. У социал-демократических организаций не было единой программы, устава и тактики, не было идейного и организационного единства. Избранный на съезде Центральный Комитет партии был арестован и больше не восстанавливался. Идейный разброд в партии и ее организационная распыленность после I съезда еще больше усилились. Интересы поднимавшейся в стране народной революции требовали скорейшего сплочения партийных организаций, создания единой централизованной партии рабочего класса, способной руководить революционным движением.

Чтобы создать такую партию, нужно было прежде всего разбить «экономистов», нужно было преодолеть отсталость, косность и узкий практицизм местных органов партии.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 345.

За выполнение этих задач и построение партии рабочего класса взялся В. И. Ленин.

Ленин считал, что построение партии нужно начать с организации общерусской боевой политической газеты, которая вела бы пропаганду и агитацию за взгляды революционной социал-демократии. Такая газета, по мысли Ленина, должна была служить средством не только идейного, но и организационного сплочения партии. Такой именно газетой стала «Искра», основанная Лениным в конце 1900 г. по плану, разработанному совместно с группой «Освобождение труда».

Одним из важнейших дел «Искры» была выработка проекта программы партии.

Вопрос о составлении проекта партийной программы был впервые поставлен Лениным перед членами редакции «Искры» в письме к П. Аксельроду 9 июля 1901 г. Составление первого проекта программы было поручено Плеханову, который к тому времени имел уже известный опыт в деле выработки партийной программы.

Уже в 80-х годах Плеханов составил два проекта программы русских социал-демократов: первый — в 1884 г. («Программа социал-демократической группы «Освобождение труда»»), второй — в 1885 г. («Второй проект программы русских социал-демократов», впервые опубликованный в 1887 г.). Плехановские проекты партийной программы являлись важным шагом в деле подготовки создания марксистской социал-демократической партии в России.

Проекты 1884 и 1885 гг. были по существу почти идентичны, отличаясь между собой лишь в некоторых частностях.

Ленин высоко ценил эти проекты программы. Относительно проекта 1885 г. Ленин в своей известной статье «Проект программы нашей партии», написанной в конце 1899 г., писал: «Несмотря на то, что он издан почти 15 лет тому назад, он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории»¹. Достоинства проекта Ленин усматривал в том, что в нем указывалось на рабочий класс как на единственно самостоятельного борца за социализм;

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 211.

что в нем четко формулировалась цель борьбы рабочего класса — коммунистическая революция, обобществление всех средств производства и замена капиталистического производства социалистическим; что завоевание рабочим классом политической власти признано было в нем обязательным предварительным условием социалистического переустройства общества; что наряду с указанием на международную солидарность пролетариата в нем подчеркнута была необходимость известной дифференциации программ социал-демократических партий различных стран сообразно общественным условиям каждой из них; что в нем отмечена была особенность положения трудящихся России, находившихся под двойным гнетом развивающегося капитализма и остатков докапиталистических отношений; что в нем подчеркивалась связь революционного движения в России с процессом роста промышленного пролетариата, указывалось на необходимость создания революционной рабочей партии и определялась ее ближайшая политическая задача — свержение абсолютизма; что в нем указаны были средства политической борьбы и сформулированы ее основные требования. «Все эти элементы программы, — писал Ленин, — по нашему мнению, совершенно необходимы в программе социал-демократической рабочей партии, — все они выставляют такие тезисы, которые с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран, — в частности, в развитии русской общественной мысли и русского рабочего движения»¹.

Этот отзыв Ленина о проекте 1885 г. вполне может быть отнесен и к проекту 1884 г.

В обоих этих проектах содержались и некоторые ошибочные положения, которые, однако, несколько не снижали их огромных достоинств как целого и которые в значительной степени объяснялись временем и условиями, в каких эти проекты составлялись. В проекте 1884 г. признавалась еще необходимость террористической борьбы против царизма: этим Плеханов отдавал известную дань своему народническому прошлому. Но уже в проекте 1885 г. говорилось только, что рево-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 212.

люционные организации рабочего класса «...не останавливаются и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы»¹. В обоих проектах содержалось лассальянское требование «государственной помощи производительным ассоциациям» и требование «прямого народного законодательства». По поводу первого из этих требований Ленин указывал, что «и опыт других стран, и теоретические соображения, и особенности русской жизни (склонность буржуазных либералов и полицейского правительства заигрывать с «артелями» и с «покровительством» «народной промышленности», и т. п.) — все говорит против выставления этого требования»².

Вместе с тем он признавал, что в то время, когда составлялись эти проекты программы группы «Освобождение труда», включение подобного требования в социал-демократическую программу было естественно³.

В «Комментарии к проекту программы Р.С.Д.Р.П.», написанном в 1902 г., Плеханов сам признал эти два пункта программы группы «Освобождение труда» не выдерживающими критики с точки зрения «ортодоксального» марксизма. При этом он указывал, что внесение в программу требования государственной помощи производительным ассоциациям было дипломатической уступкой народническим предрассудкам революционной интеллигенции, требование же прямого народного законодательства было поставлено под влиянием идей Риттинггаузена, от которых группа «Освобождение труда» впоследствии отказалась.

Недостаточно четко сформулированы были в обоих проектах программы аграрные требования. Оба проекта ограничивались в этом отношении требованием «радикального пересмотра наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ», а также предоставления «...права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным...»⁴ Сам Плеханов, признавая впоследствии (в том же «Комментарии к проекту программы Р.С.Д.Р.П.») неопределенность этих аг-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 402—403.

² В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 220—221.

³ См. там же, стр. 221.

⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 361.

рарных требований, объяснял ее опять-таки дипломатическими соображениями, нежеланием до поры до времени обострять отношения с народниками. Нам кажется, однако, что неопределенный характер аграрных требований группы «Освобождение труда» объяснялся во всяком случае не только указанной Плехановым причиной. Он сам указывает, что осторожность, проявленная группой «Освобождение труда» при составлении первой программы, ни к чему не привела и что вскоре пришлось вступить в открытый спор с народниками, чему доказательством служит книга «Наши разногласия». Между тем во втором проекте программы, составленном уже после выхода «Наших разногласий», аграрные требования были сформулированы слово в слово так же, как и в программе 1884 г., хотя дипломатические соображения, действовавшие в период составления последней, к этому времени уже отпали.

Нам кажется, что характер аграрных требований, выставленных Плехановым в проектах программы группы «Освобождение труда», в большей мере, нежели указанными им дипломатическими соображениями, определялся его пониманием экономики пореформенной русской деревни, нашедшим свое выражение и в рассматриваемых проектах программы. В проекте 1885 г. указывалось, что Россия принадлежит к тем странам, в которых «современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим». «Капитализм, — сказано было в этом проекте, — сделал в ней громадные успехи со времени крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми»¹. Таким образом, Плеханов характеризует здесь дореформенное хозяйство России только как натуральное, патриархальное, ни словом не упоминая о его феодально-крепостническом характере. Точно так же и остатки старых

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 401.

хозяйственных форм в пореформенной экономике русской деревни он сводит целиком к «патриархальным формам землевладения», ни слова не говоря об остатках крепостнической эксплуатации крестьян помещиками. Естественно поэтому, что и в аграрных требованиях программы нет требования об окончательном уничтожении этих крепостных отношений.

Характерно в этой связи, что в той же статье, в которой Плеханов объяснял недостаточную определенность аграрных требований программы группы «Освобождение труда» осторожностью по отношению к народникам, он следующим образом определял направление этих требований: «...положить конец крепостной зависимости крестьянина по отношению к государству и разорвать ту цепь, на которой оно так долго держало его под предлогом надления его землею»¹. Это направление требуемого программой пересмотра аграрных отношений было, по мнению Плеханова, вполне правильно, недостаток же программы заключался лишь в том, что в ней не были сформулированы те конкретные положительные требования, которые социалистическая партия должна выставить во время желательного ей пересмотра указанных отношений.

Таким образом, Плеханов трактует здесь аграрные требования программы группы «Освобождение труда» именно как требование уничтожения крепостных отношений. Но сами эти отношения он сводит исключительно к зависимости крестьян от государства, не упоминая об остатках крепостнических форм эксплуатации крестьян помещиками. Поэтому можно смело утверждать, что требование уничтожения этих важнейших остатков крепостничества в русской деревне не содержалось в его проектах программы 1884 и 1885 гг.

Следует отметить также, что, исходя из указанного понимания пореформенной экономики России, Плеханов в проекте 1885 г. подчеркивал, что «главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства» и что «...идеал общинника лежит назади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие»².

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 214.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 402.

Если бы Плеханов исходил из того, что «назади» лежит не просто патриархальное, а *крепостническое* хозяйство и что самодержавие было необходимым дополнением именно к последнему, он, разумеется, не думал бы, что крестьянство мечтает о возврате к дореформенным порядкам и что поэтому оно составляет главную опору абсолютизма.

В конце 1899 г. в упомянутой выше статье «Проект программы нашей партии» Ленин подробно изложил свое мнение о том, как должна быть построена программа РСДРП. Указав, что в основу может и должен быть положен проект программы группы «Освобождение труда» 1885 г., Ленин вместе с тем намечает ряд изменений, которые он считал бы нужным внести в этот проект, ввиду того, что «... в 1885 г. это была программа группы заграничных революционеров..., которые в то время не видели еще перед собой сколько-нибудь широкого и самостоятельного рабочего движения в России. В 1900 г. речь идет уже о программе рабочей партии, основанной целым рядом русских социал-демократических организаций»¹.

Общий характер этих изменений должен был, по мнению Ленина, состоять в том, что во главу угла программы РСДРП следует поставить «характеристику основных черт современного экономического строя России и его развития... и вслед за тем очертить основную тенденцию капитализма: раскол народа на буржуазию и пролетариат, «рост нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации»². Необходимость включения в программу взятых в кавычки слов о росте нищеты и т. д. Ленин мотивировал тем, что эти слова, во-первых, точно характеризуют основные свойства капитализма, процесс, являющийся одним из главных условий, порождающих социализм и рабочее движение в России; во-вторых, они дают «громадный материал для агитации»; в-третьих, они позволяют отгородить партию от людей, балансирующих «между пролетариатом и буржуазией, между самодержавным правительством и революционерами»³.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 213.

² Там же.

³ Там же, стр. 214.

Из других конкретных изменений, которые Ленин рекомендовал внести в программу 1885 г., чтобы приспособить ее к новым требованиям, мы остановимся еще только на требованиях по крестьянскому вопросу, которому Ленин уделяет здесь особенно большое внимание.

«Я, — писал Ленин, — понимаю этот вопрос следующим образом. Крестьянский вопрос в России существенно отличается от крестьянского вопроса на Западе, но отличается *только тем*, что на Западе речь идет почти исключительно о крестьянине в капиталистическом, буржуазном обществе, а в России — главным образом о крестьянине, который не менее (если не более) страдает от *докапиталистических* учреждений и отношений, страдает от *пережитков крепостничества*. Роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России — еще нет». Поэтому русский социал-демократ «... может и должен, нисколько не изменяя своим убеждениям, а, напротив, именно в силу этих убеждений — стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени *поддержку* крестьянства (*отнюдь не* как класса мелких собственников или мелких хозяев), *поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности*»¹.

Поставив затем вопрос о том, способно ли русское крестьянство на революционную борьбу с остатками крепостничества и самодержавием, Ленин указывает на бесспорное наличие известных революционных элементов в русском крестьянстве, проявляющееся в восстаниях крестьян против помещиков, их управляющих, чиновников, в росте возмущения крестьян против дикого произвола земских начальников, в росте сектанства и т. п.

Ленин указывает далее, что «в русской деревне переплетаются в настоящее время две основные формы классовой борьбы: 1) борьба крестьянства против привилегированных землевладельцев и против остатков крепостничества; 2) борьба нарождающегося сельского пролетариата с сельской буржуазией. Для социал-демократов, конечно, вторая борьба имеет более важное значение, но они необходимо должны поддержать

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 221—222.

и первую борьбу, *поскольку это не противоречит* интересам общественного развития»¹. Ленин считал поэтому, что аграрные требования программы РСДРП должны преследовать две основные цели: 1) уничтожение остатков крепостничества в деревне и 2) «сообщение классовой борьбе в деревне более открытого и сознательного характера»².

При составлении по поручению редакции «Искры» проекта программы РСДРП Плеханов не учел этих замечаний Ленина. Ленин признал проект Плеханова неудовлетворительным и составил собственный проект программы.

Однако Плеханов пригрозил, что в случае принятия редакцией «Искры» проекта Ленина он выступит печатно против него и «выйдет что-то в роде нового раскола»³. По-видимому, в начале 1902 г. Плеханов составил второй проект программы, по существу мало чем отличавшийся от первого. Этот проект вновь подвергся резкой критике со стороны Ленина.

Разногласия, возникшие между Лениным и Плехановым в связи с выработкой программы РСДРП, касались главным образом тех же пунктов, которые Ленин считал не удовлетворяющими новым требованиям в проекте программы группы «Освобождение труда» 1885 г.

В «Отзыве о втором проекте Плеханова» Ленин писал: «По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект дает не программу пролетариата, *борющегося* против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического *учебника*, посвященного капитализму вообще»⁴. Вместо того, указывал Ленин, чтобы дать картину развития русского капитализма и порождаемых им противоречий и тем самым «...дать партии директиву для ее повседневной пропаганды и агитации по поводу всех разнообразных проявлений русского капитализма»⁵,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 231.

² Там же, стр. 230.

³ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. II, стр. 166.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 41.

⁵ Там же, стр. 42.

проект Плеханова ограничивается дефиницией «развитого» капитализма вообще. Между тем «...борющийся пролетариат, — писал Ленин в «Замечаниях на второй проект программы Плеханова», — учится тому, что такое капитализм, не из дефиниций (так учатся по учебникам), а из практического ознакомления с *противоречиями* капитализма, с *развитием* общества и его *последствиями*»¹. Ленин настаивал на том, что программу российской социал-демократии следует начинать с характеристики русского капитализма, что «партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение ею русского капитализма, объявление ею войны русскому капитализму»².

Чрезвычайно важны были в период подготовки проекта программы РСДРП разногласия между Лениным и Плехановым по аграрному вопросу.

Принципиально различна была уже сама постановка этого вопроса у Ленина и Плеханова. Подобно тому, как в своих проектах программы Плеханов считал возможным ограничиться абстрактной характеристикой капитализма вообще, вместо того, чтобы дать характеристику русского капитализма, он и в постановке аграрного вопроса исходил из анализа социальной сущности и положения крестьянства в развитом капиталистическом обществе вообще, а не из реального положения русского крестьянства.

В порядке подготовки ко второму съезду РСДРП Плеханов написал большую статью «Пролетариат и крестьянство», печатавшуюся в нескольких номерах «Искры» в течение января—мая 1903 г. Вся эта статья была посвящена, однако, вопросу об отношении пролетариата к крестьянству не в России, а на Западе.

В статье содержалось одно из наиболее полных высказываний Плеханова о социальной природе крестьянства и его положении в капиталистическом обществе³. И в этом высказывании наиболее ярко проявилась неправильность методологических позиций Плеханова в данном вопросе, особенно ясно обнаруживаю-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 23.

² Там же, стр. 41.

³ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 287—288.

щаяся при сравнении его с той характеристикой разложения крестьянства и образующихся в результате этого новых типах сельского населения, которая дана была Лениным в книге «Развитие капитализма в России»¹.

Правда, Ленин говорит здесь о России, между тем как Плеханов говорит о Западной Европе. Но и Ленин в упомянутой характеристике рассматривает крестьянство в его отношении к развивающемуся капитализму в сельском хозяйстве. С другой стороны, хотя на Западе капитализм, в том числе и в земледелии, достиг в рассматриваемый период более высокой ступени развития, нежели в России, однако и там он был весьма далек от «чистого» капитализма, и в той или иной степени для него характерны были те же процессы, которые Ленин установил в отношении России. Поэтому высказывания Ленина о разложении крестьянства в связи с развитием капитализма в России вполне сравнимы с высказываниями Плеханова о крестьянстве на Западе.

Сравнение высказываний Ленина и Плеханова показывает, что, между тем как Плеханов, характеризуя отдельные слои крестьянства, рассматривает их «в состоянии покоя и безжизненности, каждый сам по себе, рядом друг с другом», Ленин начинает с указания на то, что новые типы сельского населения являются результатом разложения крестьянства, и рассматривает их как продукт этого разложения, в возникновении и развитии, в движении, во взаимной связи. Ленин ни на минуту не забывает, на какой почве происходит разложение крестьянства, всячески подчеркивая, что этой почвой является товарное производство. Поэтому отличным признаком сельской буржуазии он в отличие от Плеханова считает не крупные размеры землевладения, а ведение торгового земледелия, владение торговыми и торгово-промышленными предприятиями, соединение торгового земледелия с торгово-промышленными предприятиями и т. п. Поэтому же Ленин в отличие от Плеханова не считает применение наемного труда обязательным признаком мелкой буржуазии, таким обязательным признаком он считает самостоятельное производство на рынок при наличии капи-

талистического способа производства. Ленин указывает, что и в деревне капитал выступает сначала преимущественно в форме торгового и ростовщического капитала, эксплуатирующего непосредственно производителя при сохранении последним формальной самостоятельности, т. е. без превращения его непосредственно в наемного рабочего. Вместе с тем Ленин, с другой стороны, подчеркивает, что образование контингента сельских батраков и поденщиков является необходимым условием существования сельской буржуазии, поскольку последняя ведет торговое земледелие в размерах, превышающих рабочие силы семьи. Процесс разложения крестьянства как раз и приводит к одновременному созданию и зажиточного крестьянства — сельской буржуазии — и необходимого для ее существования контингента батраков и поденщиков.

Плеханов, исходя при характеристике отдельных слоев крестьянства из общего определения последнего как особого общественного класса мелких землевладельцев, самые эти социальные слои различает исключительно в зависимости от размеров их землевладения. Подобно тому, как он вообще усматривает капитализм только там, где непосредственно применяется наемный труд, он и в сельском хозяйстве причисляет к эксплуататорам только тех крестьян, которые непосредственно пользуются наемным трудом. А так как условием, создающим необходимость в применении наемного труда, являются размеры хозяйства, он и причисляет к эксплуататорам только тех крестьян, которые владеют относительно крупными земельными участками (100 гектаров). Поэтому Плеханов в отношении развития капитализма в промышленности, недооценивает все те формы эксплуатации, которые не связаны обязательно с непосредственным применением наемного труда, но неизбежно вытекают из товарного производства — эксплуатацию формально независимых крестьян торговым и ростовщическим капиталом в лице зажиточной части крестьянства, размеры землевладения которого могут быть не больше, нежели у эксплуатируемых им мелких производителей. С другой стороны, на том только основании, что сельская буржуазия сама еще большей частью принимает непосредственное

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 144—148.

участие в процессе производства, Плеханов находит возможным говорить о «двойственности» ее положения, о том, что представители ее являются не только эксплуататорами, но и тружениками и как таковые относятся к особому классу мелких производителей — крестьян. Ясно, что из такого понимания экономической сущности зажиточного крестьянства неизбежно должна была вытекать недооценка степени развития капитализма и капиталистических противоречий в деревне.

Плеханов наперед исключает из крестьянства «обладателей парцелл», т. е. как раз тот слой сельского населения, который Ленин определяет как сельский пролетариат, как класс наемных рабочих с наделом. И это потому, что он рассматривает «обладателей парцеллы» не как постоянный продукт разложения крестьянства при капитализме, а как готовый тип. Так как «обладатели парцеллы» вынуждены «искать заработка на стороне», т. е. продавать свою рабочую силу, рассуждал Плеханов, то они уже являются пролетариями, а не крестьянами, и поэтому, когда речь идет о крестьянстве, их следует оставлять в стороне. Между тем простое исключение из крестьянства «обладателей парцелл» вело к объективному затушевыванию того факта, что разложение крестьянства ежедневно и ежечасно порождает все новые массы сельских рабочих с наделом.

Ленин, характеризуя среднее крестьянство, подчеркивает двойственную природу середняка, как трудящегося, с одной стороны, и как мелкого собственника — с другой, его крайне неустойчивое положение, обусловленное невозможностью для большинства середняков свести концы с концами без сторонних заработков и частичной продажи своей рабочей силы. Ленин отмечает, что крестьянская буржуазия оттесняет в ряды пролетариата не только низшую, но и среднюю группу крестьянства и что в процессе «раскрестьянивания» только небольшому меньшинству среднего крестьянства удастся перейти в ряды деревенской буржуазии, огромное же большинство его сталкивается в ряды сельского пролетариата. Ленин, следовательно, рассматривает среднее крестьянство в его движении, указывая тенденции и направление этого движения, Плеханов же

рисует среднего крестьянина как «идеального» мелкого самостоятельного производителя, как некий «нейтральный» тип рядом с сельским пролетариатом и сельской буржуазией, не состоящий с ними ни в какой экономической связи.

В то время как Ленин считает отличительным признаком среднего крестьянства наименьшее развитие товарного производства, тем самым и здесь подчеркивая, что разложение крестьянства есть результат развития товарного производства и что понять этот процесс можно только на основе анализа развития товарного производства в крестьянском хозяйстве, Плеханов считает отличительным признаком среднего крестьянства, как и других его слоев, размеры землевладения: либо просто арифметически средние размеры землевладения, либо такие его размеры, которые позволяют обходиться без наемной рабочей силы и вместе с тем обеспечивают самостоятельность хозяйства.

Помимо названной выше статьи, Плеханов остановился на аграрном вопросе и в написанном им «Комментарии к проекту программы РСДРП». Но и здесь он дал освещение аграрной программы социал-демократии вообще, вернее, западноевропейской социал-демократии. По вопросу же об отношении пролетариата и его партии к крестьянству в России он указывал лишь, что «положение нашего крестьянства как нельзя более отличается от положения западноевропейских крестьян» и что поэтому «прежде, чем ставить аграрный вопрос в том смысле, в каком его ставят западноевропейские социал-демократы, мы должны *добиться раскрепощения нашего крестьянина*, мы должны ввести его в условия жизни, свойственные нынешнему европейскому обществу»¹.

Совершенно иначе подходил к решению аграрного вопроса Ленин, являвшийся автором аграрной части программы РСДРП. В решении вопроса о задачах партии по отношению к крестьянству он исходил из анализа положения русского крестьянства. В своей замечательной работе «Аграрная программа русской социал-демократии», написанной в феврале—марте 1902 г. в качестве комментария к аграрной части проекта программы, Ленин далее развил высказанную им уже в статье

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 234.

«Проект программы нашей партии» мысль о противоречивости положения русского крестьянства, вытекавшей из наличия в экономике России, особенно в ее сельском хозяйстве, значительных остатков крепостничества при довольно далеко ушедшем вперед развитии капитализма и капиталистических противоречий. «Поскольку», — писал Ленин, — в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, *постольку* крестьянство перестает быть классом, распаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). *Поскольку* сохраняются еще крепостные отношения, — *постольку* «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е. . . . классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «поскольку — постольку» существует в действительности в виде *крайне сложного* сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне»¹.

А при таком положении решение аграрного вопроса, как указывал Ленин, не могло быть «простым», оно неизбежно должно было отличаться сложностью. Плеханов, как мы видели, отмечая отличие положения русского крестьянства от западноевропейского, делал из этого тот вывод, что прежде, чем ставить аграрный вопрос в том смысле, в каком его ставит социал-демократия на Западе, т. е. в смысле отношения пролетариата к крестьянству в социалистической революции, российская социал-демократия должна «добиться раскрепощения нашего крестьянина» и «ввести его» в условия капиталистического развития. Плеханов таким образом, во-первых, разделял «китайской стеной» задачи пролетарской партии по отношению к крестьянству в буржуазной и социалистической революции, резко разграничивая эти задачи во времени, считая, что сперва надо добиться раскрепощения русского крестьянства и только после этого уместно будет поставить вопрос об отношении к нему в борьбе за социалистическую революцию. Во-вторых, он формулировал задачи российской социал-демократии по отношению к крестьянству так, как если бы роль самих крестьян в деле их раскрепощения должна была быть совершенно пассивной.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 97.

Принципиально иначе формулировал задачи партии в аграрном вопросе Ленин.

«Центральным фактом и в области аграрных порядков России, — писал он, — мы признаем классовую борьбу. Мы строим всю свою аграрную политику (а, следовательно, и аграрную программу) на неуклонном признании этого факта со всеми последствиями, вытекающими из него. Наша главная ближайшая цель — расчистить дорогу для свободного развития классовой борьбы в деревне, классовой борьбы пролетариата, направленной к осуществлению конечной цели всемирной социал-демократии, к завоеванию политической власти пролетариатом и к созданию основ социалистического общества»¹.

В отличие от Плеханова Ленин считал, что российская социал-демократия не может ограничиться только требованием уничтожения остатков крепостничества. Он, напротив, подчеркивал, что это требование лишь постольку соответствует характеру социал-демократической программы как революционной программы рабочего класса, борющегося за социализм, поскольку оно подчинено этой конечной задаче.

Ленин подчеркивал, что именно требование свободного развития классовой борьбы в деревне — требование, о котором Плеханов ни разу даже не упоминал, — составляет главное принципиальное отличие социал-демократической аграрной программы от всех и всяческих буржуазных и псевдосоциалистических программ. Требование ликвидации остатков крепостничества, указывал он, выставляется и последовательными либералами, и народниками, и социал-реформаторами и т. д. Но никто из них не станет обуславливать это требование свободным развитием классовой борьбы в деревне.

В отличие от Плеханова Ленин рассматривал аграрную программу российской социал-демократии не как программу только того, что социал-демократия должна сделать для крестьянства, а одновременно и как программу борьбы за крестьянство, как призыв его к активной революционной борьбе, как программу, которая должна обеспечить пролетариату привлечение на свою

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 128.

сторону крестьянства и руководство им в буржуазно-демократической революции и вместе с тем создать условия для перехода в союзе с беднейшим крестьянством, с сельским пролетариатом и полупролетариатом к борьбе за социалистическую революцию.

Плеханов также указывал, что аграрная программа социал-демократии, требуя уничтожения остатков крепостничества, стремится создать условия, необходимые для победы социализма. Но эти условия он сводил исключительно к более свободному экономическому развитию, к более быстрому развитию капитализма, ничего не говоря о свободном развитии классовой борьбы в деревне.

В статье «Ортодоксальное буквоедство», печатавшейся в «Искре» за июнь—июль 1903 г., он подвергает критике возражения Н. Рязанова (Д. Рязанова) против аграрной части проекта программы, сводившиеся к тому, что будто бы ее требования означают поддержку и умножение мелкой собственности и мелкого хозяйства, а это противоречит принципам социал-демократии. Плеханов указывает прежде всего на различие в положении западноевропейского и русского крестьянства. Западно-европейская социал-демократия, говорит он, действительно отвергает какую-либо поддержку мелкого хозяйства и мелкой собственности, но это потому, что крестьянство на Западе уже живет в экономических и правовых условиях, свойственных буржуазному обществу, российская же социал-демократия только борется за создание таких условий.

Дальше Плеханов разъясняет, что основанием для обвинения аграрной программы в умножении частной собственности может служить требование о возвращении отрезков и об отмене ограничений в распоряжении крестьян своими землями. Возвращение крестьянам отрезков, говорит он, действительно умножит частную собственность, но оно даст вместе с тем «...новый толчок экономическому развитию нашей страны. А так как экономическое развитие у нас, как и везде, поведет в конце концов к торжеству социализма, т. е. к отмене частной собственности на средства производства, то выходит, что возвращение отрезков подсказывается интересами социалистической революции и что поддержание и умножение *частной* собственности в этом случае уско-

рит переход средств производства в собственность *общественную*. Стало быть, мы не только можем, но обязаны стоять за возвращение крестьянам отрезков»¹.

Плеханов, таким образом, хотя и указывает, что возвращение отрезков подсказывается интересами социалистической революции, но обосновывает это утверждение исключительно ссылкой на то, что возвращение отрезков ускорит экономическое развитие, а последнее поведет в конце концов к торжеству социализма. Совершенно иначе отвечал на обвинения, подобные рязановским, Ленин.

«Вообще говоря, — писал он, — поддержка мелкой собственности реакционна, ибо она направляется против крупного капиталистического хозяйства, задерживая, следовательно, общественное развитие, затемняя и сглаживая классовую борьбу. В данном же случае мы хотим поддержать мелкую собственность именно не против капитализма, а против крепостничества, — в данном случае мы поддержкой мелкого крестьянства даем громадный толчок развитию классовой борьбы. В самом деле, с одной стороны, мы делаем этим *последнюю* попытку разжечь остатки классовой (сословной) вражды крестьян к крепостникам-помещикам. С другой стороны, мы расчищаем дорогу для развития буржуазного классового антагонизма в деревне, ибо этот антагонизм *прикрыт* ныне общей и одинаковой, якобы, угнетенностью всех крестьян остатками крепостничества»².

Разъясняя значение требования о возврате отрезков, Ленин подчеркивает, что оно не только будет способствовать подъему классовой борьбы крестьян против помещиков, борьбы, в которой крестьянство выступает еще как класс феодального общества, в которой еще затемнены классовые противоречия внутри самого крестьянства, его собственное разложение на противоположные классы капиталистического общества, но, что особенно важно, оно расчистит путь для развития классовой борьбы в самом крестьянстве между сельским пролетариатом и сельской буржуазией, поскольку устранение остатков крепостничества уничтожит и те общественные отношения, в которых крестьяне продолжали

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 406.

² В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 114.

еще чувствовать себя единым классом, поскольку отпадение гнета крепостничества, одинакового будто бы для всех групп крестьянства, обнажит выросшие внутри его классовые противоречия. Короче говоря, Ленин ясно показывает, что требование о возвращении отрезков, как и все требования социал-демократической аграрной программы, в противоположность всем и всяким либерально-буржуазным и псевдосоциалистическим программам подчинено задаче свободного развития классовой борьбы в деревне, необходимого для победы социалистической, пролетарской революции.

Единственный конкретный вопрос аграрной программы российской социал-демократии, на котором Плеханов остановился в своем «Комментарии», был вопрос о национализации земли. Плеханов решительно выступил против национализации земли и не потому только, что считал требование национализации земли в программе российской социал-демократии в тот период преждевременным, а из принципиальных соображений, указывая, что такое требование в условиях российской действительности было бы реакционным по существу. Это последнее положение Плеханов аргументировал тем, что в России, мол, и земля и привязанный к ней крестьянин издавна принадлежали казне и что этот именно порядок составлял самую прочную основу царизма. Отсюда он выводил заключение, что для победы над царизмом необходимо прежде всего «...устранить фактически установившуюся у нас азиатскую форму государственного землевладения»¹. Между тем национализация земли, по его мнению, только усилила бы экономическую базу самодержавия.

Ленин в период подготовки проекта программы РСДРП перед II съездом партии считал целесообразным выдвинуть в качестве основного аграрного требования возвращение отрезков, как наиболее соответствовавшее в тех условиях задаче «подтолкнуть демократическое движение в крестьянстве», поднять крестьянство на борьбу против самодержавия и остатков крепостничества. Вместе с тем Ленин подчеркивал, что русские социал-демократы не должны отказываться от требования национализации земли, идущего дальше требования

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 408.

о возвращении отрезков. «...В принципе, — указывал Ленин, — мы вполне разделяем это требование. В известный революционный момент мы не откажемся, разумеется, его выдвинуть. Но теперешнюю свою программу мы составляем не только и даже не столько для эпохи революционного восстания, сколько для эпохи политического рабства, для эпохи, предшествующей политической свободе. А в такую эпоху требование национализации земли *гораздо слабее* выражает непосредственные задачи демократического движения в смысле борьбы с крепостничеством»¹.

В разногласиях между Лениным и Плехановым по аграрному вопросу, проявившихся в период подготовки программы РСДРП, по существу наметились будущие разногласия между большевиками и меньшевиками.

2. Взгляды Плеханова по вопросу о характере аграрных отношений в России

Разногласия между Лениным и Плехановым по вопросам аграрной программы РСДРП, как выше уже было отмечено, одним из своих оснований имели различное понимание ими характера аграрных отношений в дореформенной и пореформенной России.

В брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» (1892 г.) Плеханов писал: «С незапамятных времен все государственное здание покоилось у нас на худой, изможденной, но тем не менее чрезвычайно выносливой спине податного населения, т. е. преимущественно крестьянства. Государство издавна закрепостило крестьянина с весьма простой и понятной целью его эксплуатации. Вводя и усиливая крепостную зависимость крестьян по отношению к помещикам, государство лишь передавало «служилым людям» свои владельческие права над землепашцами... Десятьнадцатое февраля 1861 г., положивши конец помещичьей власти, сделало крестьян свободными только по имени. В действительности оно лишь перенесло в другое место центр тяжести крепостной зависимости бывших помещичьих крестьян: из крепостных по отношению к «барину»,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 120.

к «пану», они стали крепостными по отношению к *казне*. Под весьма благовидным предлогом обеспечения их быта «освобожденным» крестьянам были навязаны земельные наделы, за которые взыскивается выкуп, значительно превосходящий их стоимость. Не заплатив этого выкупа, крестьянин не мог оставить свою землю»¹. Из приведенных высказываний Плеханова получается, что первоначально крепостное право в России возникло в виде крепостной зависимости крестьян от государства, затем государство временно передало свои владельческие права по отношению к крестьянству «служилым людям» — помещикам, а в 1861 г. по существу снова вступило в свои права. Во введении к изданной в 1894 г. на немецком языке книге о Чернышевском Плеханов в более развернутом виде повторил те же положения. Здесь он развивал ту мысль, что не только само закрепощение крестьян государством, но и смена форм крепостной зависимости определялись главным образом нуждами русского государства; что именно в интересах обеспечения этих нужд государство в свое время передало непосредственную власть над крестьянами помещикам и в этих же интересах сочло впоследствии необходимым освободить их от крепостной зависимости по отношению к помещикам и вновь установить их прямую зависимость от государства; что и наделение крестьян землей было проведено государством (и притом вопреки воле помещиков) для обеспечения его нужд.

«Когда, — писал он, — русские владетельные князья одаривали своих слуг населенными угодьями, то живущие на них крестьяне отнюдь не делались крепостными, князь лишь передавал этим актом «государственным слугам» свое право обложения податями крестьян. Сами же крестьяне оставались по-прежнему «свободными людьми» и, как таковые, имели право менять своих господ или совсем их оставить и поселиться в свободной общине, т. е. платящей подати лишь князю»².

Но такое положение вещей было «невыгодно государству» по двум причинам: во-первых, потому, что при свободе перехода крестьяне массами переходили от бед-

ных помещиков к более состоятельным, поскольку последние «были в состоянии предоставить своим крестьянам более надежную защиту и более выгодные материальные условия». Между тем именно бедные помещики составляли ядро «служилой» воинской силы Московского государства. «Поэтому государство, если только оно не хотело подорвать своей военной мощи, необходимо должно было запретить крестьянам покидать земли беднейших помещиков. Именно поэтому и было ограничено в конце XVI в. право свободного передвижения крестьян»¹. Во-вторых, свобода передвижения крестьян не сообразовалась с интересами казны и была прямо вредна для последней, поскольку крестьяне, пользуясь этой свободой, массами уходили на никем не занятые плодородные земли, расположенные на южных и восточных окраинах Московского государства и ставшие доступными для колонизации после победы над татарами. От этого страдала государственная казна, так как требовалось значительное время для того, чтобы реально привлечь «колонию» к отбыванию государственных повинностей, а взимание податей, причитающихся с крестьян, покидавших свои общины, с членов общины, оставшихся на месте, на основе «круговой поруки» фактически оказывалось большей частью неосуществимым. «Из этого неприятного положения не было в то время иного выхода, как прикрепление крестьян к земле. Так в течение XVII столетия окончательно было уничтожено право крестьян на свободу передвижения. Крестьяне попали всецело в крепостную зависимость к помещикам и соответственно к государству»².

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 2.

² Там же, стр. 3. Для характеристики взглядов Плеханова на причины закрепощения крестьян в России имеют существенное значение следующие замечания его на полях книги С. В. Рождественского «Служилое землевладение в Московском государстве XVI века» (СПБ, 1897). К стр. 83 этой книги, где говорится: «Крайний недостаток денежных капиталов был одною из характерных черт экономического быта служилого класса XVI в. Самый же этот недостаток объясняется несоответствием между постоянно развивающимися и прогрессирующими потребностями государства и общества, с одной стороны, и слабым развитием, инертностью народного хозяйства — с другой, преобладанием хозяйства натурального над денежным, которого требовали новые обстоятельства», Плеха-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 358, 360—361.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 2.

В течение некоторого времени после этого произошло все большее усиление крепостной зависимости крестьян, в результате чего они были низведены фактически до положения рабов. Но затем положение изменилось. Во-первых, все более усиливавшиеся крестьянские волнения грозили «освобождением снизу»; во-вторых, Крымская война вскрыла полнейшую военную несостоятельность крепостнической России; в-третьих, в середине XIX столетия промышленность и сельское хозяйство России достигли такого состояния, при котором дальнейшее их развитие стало более несовместимым с сохранением крепостного права. «Наконец, — и это соображение для многих слуг царя было решающим — крепостное право не давало возможности правительству стричь крестьян по желанию. Дело в том, что подати с крепостного населения взимались через посредство помещиков. Каждое дальнейшее увеличение податей, каждое новое обложение крепостных должно было, само собою разумеется, вызывать недовольство помещиков, ибо тем самым ослаблялась хозяйственная сила принадлежащих им «душ». Освободить крестьян от власти помещиков значило тем самым усилить власть над ними государства. Непосредственные сношения между крестьянином и государством давали гораздо больший простор министерству финансов, и уже по одной этой причине правительство должно было взять «эмансипацию» в свои руки. Прозаически говоря, вопрос об «эмансипации» сводился к вопросу о том, кому должна пойти львиная часть прибавочного продукта (т. е. прибавочной стоимости), созданного крепостным населением: *государству или помещикам?* Государство пыталось решить этот вопрос в свою пользу. Но для этого было необходимо, чтобы крестьяне были освобождены *с землей, а не без земли*, как того требовали помещики... Оно

нов делает такое замечание: «Крайне важно для объяснения закрепощения».

По поводу другого места, на стр. 271, где говорится: «Поместная земля была служилой землей, должна была давать средства для службы, а выполнять это назначение могла только культурная, населенная земля. Между тем такой именно земли и не доставало по причине бродячести населения, недостатка рабочих рук, постоянного передвижения самих служилых людей по требованию служебных обстоятельств», Плеханов замечает: «Причины закрепощения крестьян».

(государство. — И. Б.) стремилось... к тому, чтобы дать возможность крестьянам возможно больше доставлять государству натурой и деньгами. Для этой цели безземельные поденщики были непригодны. Вот почему правительство ни в каком случае не хотело уступить требованиям помещичьей партии. Но, с другой стороны, оно, конечно, старалось по возможности подсластить ту горькую пилюлю, которую оно преподносило этой партии»¹.

Последнее положение повторяется Плехановым и в другой статье, относящейся к 90-м годам («С. Каронин»), в которой говорится, что освобождение крестьян «с земель» было не более как попыткой «обеспечить на счет крестьян удовлетворение денежных нужд государства», что земля давалась крестьянам «затем, чтобы обеспечить им исправное исправление «их обязанностей по отношению к государству»»².

Анализ приведенных высказываний Плеханова и сопоставление их с относящимися к тому же периоду высказываниями Ленина по тем же вопросам позволяет обнаружить во взглядах Плеханова существенные ошибки.

Рассматривая крепостной строй в России как форму закрепощения крестьян государством с целью обеспечения его нужд и крепостную зависимость крестьян от помещиков как временную передачу государством помещикам своих эксплуататорских прав, Плеханов склонен был считать крепостничество главным образом правовым институтом, регулирующим отношения между государством и основным «податным сословием», а не определенной системой производственных отношений.

Такая трактовка крепостного строя получила свое отражение и во втором проекте программы Плеханова и вызвала со стороны Ленина следующее замечание: «Проект, видимо, отвергает выражение: старый *крепостной* общественный порядок, считая выражение «крепостничество» применимым только к *правовому* строю. Я думаю, что это различие неосновательно: «крепостное право», конечно, было учреждением юридическим, но оно соответствовало и особой системе помещичьего

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 7—8.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. X, стр. 86.

(и крестьянского) хозяйства, оно проявлялось и в массе неформальных «правом» бытовых отношений»¹.

В этом кратком замечании Ленин четко сформулировал отличие своего понимания сущности крепостничества в России от плехановского ее понимания. Ленин указывал, что крепостное право являлось юридическим выражением реальных экономических отношений между помещиками и крестьянами, что крепостничество представляло собой определенную систему хозяйства, определенный общественный порядок, характеризовавший дореформенную экономику России.

Исходя из своего понимания крепостного строя, Плеханов рассматривал крестьянство не как класс феодально-крепостного общества, эксплуатируемый господствующим классом помещиков, а как «податное сословие», эксплуатируемое и обираемое государством. В брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» он прямо писал, что «...крестьянство не класс, а сословие»².

В отличие от Плеханова Ленин указывал, что деление населения на сословия в рабском и феодальном обществе было лишь юридической фиксацией деления его на классы. «Известно, — писал он, — что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями... Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные»³. Поэтому Ленин рассматривал крестьянство крепостной России не просто как податное сословие, а как один из двух основных классов феодального общества, противостоявший классу помещиков и эксплуатируемый последним в силу его монопольной собственности на землю.

Рассматривая крестьянство как «не класс, а сословие» и крепостничество только как особую юридическую

форму отношения государства к этому сословию, Плеханов и реформу 1861 г. рассматривал не как продукт революционной классовой борьбы крестьян против помещиков, а главным образом как изменение государством им же ранее установленной формы эксплуатации крестьянства.

Характерно, что происходившую накануне реформы в помещичьем лагере борьбу между сторонниками освобождения крестьян без земли и сторонниками освобождения их с землей Плеханов рассматривал как борьбу между правительством, требовавшим в интересах фиска наделения крестьян землею, с одной стороны, и помещиками, не желавшими этого, с другой стороны.

На самом деле споры по вопросу о том, освобождать ли крестьян «с землей» или без земли, происходили не между помещиками и правительством, а в среде самих помещиков, из которых одни, как указывал Ленин, считали для себя более выгодным превратить крестьян в арендаторов либо в «отработочных» крестьян совсем без земли, а другие предпочитали прикрепить крестьян к месту клочком земли, с которого нельзя было бы жить, не идя в кабалу к помещику. Таким образом, суть вопроса заключалась не в том, кому достанется большая доля прибавочного труда крестьян (помещикам или государству), а в том, как лучше всего обеспечить помещикам возможность крепостнической эксплуатации крестьянства и после реформы. Плеханов, характеризуя борьбу вокруг вопроса о «наделении» крестьян землей, исходил из понимания реформы как замены крепостной зависимости крестьян от помещиков их непосредственной крепостной зависимостью от государства. Ленин совершенно иначе понимал сущность реформы 1861 г.

Ленин прежде всего постоянно подчеркивал, что реформа 1861 г. была результатом революционной борьбы крестьянства, что она была вызвана боязнью «революции снизу», стремлением предотвратить эту революцию, подавить восстание крестьян... «путем уступок, приемлемых для угнетателей без уничтожения их власти»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 38.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 414.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 97. (Сноска.)

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 183.

Ленин указывает, что в эпоху падения крепостного права «шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояния крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения»¹.

Плеханов среди прочих причин, обусловивших реформу 1861 г., указывал и на крестьянские волнения. Однако главный побудительный мотив, толкнувший царское правительство на эту реформу, он усматривал в стремлении обеспечить возраставшие нужды государства.

По-разному понимая сущность реформы 1861 г., Плеханов и Ленин по-разному смотрели и на ее последствия.

И Ленин и Плеханов одинаково указывали, что реформа 1861 г. расчистила путь для развития капитализма в России, оба они подчеркивали вместе с тем, что реформа не ликвидировала крепостничество полностью и что крепостные порядки в значительной степени сохранились и после реформы. Однако содержание, которое они вкладывали в эти утверждения, было различно.

Говоря о том, что реформа 1861 г. расчистила путь развитию капитализма, Плеханов имел в виду лишь то обстоятельство, что она способствовала замене натурального хозяйства денежным. Нигде не характеризуя экономический строй дореформенной России как феодальный, Плеханов при характеристике хозяйственного строя крепостной России всюду определяет его просто как натуральное хозяйство. В связи с этим он в переходе от натурального хозяйства к товарному усматривал, собственно, единственное экономическое различие между дореформенным и пореформенным сельским хозяйством России.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 216.

Почему реформа 1861 г. привела к уничтожению натурального хозяйства и замене его товарным? Потому, объяснял Плеханов, что до реформы крестьяне отбывали свои повинности натурой, с государством же рассчитывались помещики, которые и должны были заботиться о переводе полученной ими от крестьян натуральной «дани» в денежную форму. Реформа же изменила этот порядок. Государство стало непосредственно выжимать из крестьянства необходимые ему денежные средства и тем заставило его превращать все большую часть своего продукта в товар. К тому же оно еще значительно увеличило налоги и ввело выкупные платежи за земельные наделы.

Иначе смотрел на значение реформы в деле расчистки пути для капитализма в России Ленин, давший единственно правильный, подлинно марксистский анализ экономических последствий реформы 1861 г. Ленин указывал, что реформа хотя и не уничтожила совсем, но все же подорвала барщинную, крепостническую систему хозяйства. Отмечая, подобно Плеханову, что реформа способствовала переходу от натурального к товарному хозяйству, Ленин имел в виду не изменение методов налогового обложения. Аграрную эволюцию в первое время после реформы Ленин рассматривал как переход от крепостничества к капитализму, а не просто как переход от натурального хозяйства к товарно-капиталистическому, как смену феодально-крепостнических производственных отношений капиталистическими, а не просто как зарождение товарно-капиталистических отношений в недрах натурального хозяйства.

Соответственно своему пониманию характера дореформенной экономики России и реформы 1861 г. Плеханов остатки крепостничества в пореформенной России усматривал исключительно в «крепостной зависимости» крестьян от государства. Поэтому наиболее глубокой причиной тяжелого положения крестьянства после реформы он считал именно «податное» закрепощение крестьян государством. «Натуральные подати египетского феллаха, — читаем мы в статье «Всероссийское разорение», — наверное, были несравненно легче денежных платежей, лежащих на русском крестьянине и часто во много раз превышающих доходность его надела. Правительственная эксплуатация русского крестьянина

по своим размерам представляет собою нечто беспримерно величественное и *самобытное*. Закрепощением крестьянина государству мы обязаны не только беспримерно в истории бедностью нашего сельского населения, но даже и нашими пресловутыми устоями¹. О том, что сущность порабощения крестьян государством (а следовательно, и остатков крепостничества в пореформенной России) Плеханов усматривал в податной системе, наряду со многими другими его высказываниями свидетельствует содержащееся в указанной статье утверждение, что «теперь даже губернаторы говорят о необходимости изменения нашей податной системы, этого источника крестьянского порабощения»².

В отличие от Плеханова Ленин видел остатки крепостничества в пореформенном хозяйстве России прежде всего в экономических отношениях между помещиками и крестьянами, в сохранении крепостнических методов эксплуатации крестьян помещиками в форме отработков, долговой кабалы и т. д. Сословную неравноправность крестьянства, в которой Плеханов склонен был усматривать главное проявление остатков крепостничества после реформы, Ленин рассматривал лишь как одно из этих проявлений. Таким образом, в то время как Плеханов и остатки крепостничества после реформы, подобно дореформенному крепостному строю, сводил исключительно к правовому положению крестьян в государстве, Ленин показал, что остатки эти сильны в самой экономике России, особенно и прежде всего в ее сельском хозяйстве.

Из трактовки крепостничества в России как отношений прежде всего между государством и крестьянами и сведения остатков крепостничества в пореформенной России к закрепощению крестьян государством вытекало отрицательное отношение Плеханова к требованию национализации земли, его убеждение в том, что национализация земли укрепила бы экономическую базу самодержавия. Он упускал при этом из виду, что национализация земли означала бы одновременно отобрание земли у помещиков, поскольку недооценивал значение крупного помещичьего землевладения в пореформенной Рос-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 350.

² Там же, стр. 350—351.

сии как важнейшей экономической основы остатков крепостничества в деревне.

По мнению Плеханова, помещичье хозяйство после реформы вообще было обречено на гибель и вся его пореформенная история представляла собой якобы процесс более или менее интенсивной его ликвидации. Сочувственно процитировав в брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» утверждение князя Васильчикова о том, что «...поместное владение... со времени освобождения крестьян, видимо, склоняется к ликвидации, к распродаже недвижимых имуществ, к упразднению господских хозяйств и запашек», Плеханов добавляет: «Эти строки написаны были князем Васильчиковым еще в семидесятых годах, но время, протекшее с тех пор, только усилило указанное здесь экономическое движение: дворянство, как землевладельческий класс, еще дальше отступило на задний план»¹.

В отличие от Ленина, подчеркивавшего, что помещик и после реформы оставался крупнейшей экономической силой русского сельского хозяйства, что он все больше превращался в капиталиста-юнкера и старался сохранить за собой в капиталистическом земледелии то же господствующее положение, которое он занимал при крепостном строе, Плеханов склонен был рассматривать его как экономическую фигуру, мирно умирающую «естественной смертью».

В общем, можно смело утверждать, что Плеханов представлял себе общественно-экономические отношения в пореформенной деревне весьма односторонне. В борьбе против народничества он правильно подчеркивал все явления, свидетельствовавшие о развитии товарного производства и капитализма в сельском хозяйстве, о разложении общины, о классовой дифференциации крестьянства. Обличая царское самодержавие и призывая к решительной революционной борьбе с ним, Плеханов показывал, что гнет абсолютизма является одной из важнейших причин (скорее даже важнейшей причиной) разорения и упадка крестьянского хозяйства. Здесь уже Плеханов был прав только отчасти, поскольку он исходил из неправильной предпосылки о том, будто в основе крепостного строя в России лежало закрепощение кре-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 365—366.

стьян государством, будто этот строй представлял собой разновидность восточной деспотии, а не строй феодально-крепостнической эксплуатации крестьян помещиками. Недооценка значения феодально-крепостнических отношений между крестьянами и помещиками в дореформенной России и остатков этих отношений после реформы 1861 г. составляла существеннейший и чреватый весьма важными последствиями недостаток плехановских воззрений на экономическое развитие России. Абстрагирование от классовой борьбы между крестьянством в целом и помещиками было одной из причин, вследствие которых Плеханов уже в рассматриваемый период склонен был недооценивать революционные возможности крестьянства и его значение как союзника пролетариата в буржуазно-демократической революции. Этот же недостаток служил теоретической основой ошибок, допущенных Плехановым при выработке аграрной программы партии накануне II съезда.

3. Взгляды Плеханова по вопросу о земельной ренте

Одной из теоретических основ отрицательного отношения Плеханова к требованию национализации земли, обнаруженного им уже при выработке проекта программы РСДРП накануне II съезда партии, наряду с ошибочным пониманием характера аграрных отношений в России являлось непонимание им подлинного существа учения Маркса об абсолютной земельной ренте.

Плеханов в вопросе о земельной ренте стоял на таких позициях, которые по существу вели к отрицанию абсолютной ренты. Таковы были, как мы видели, его позиции в очерке о Родбертусе, и на тех же позициях он оставался в последующих высказываниях по данному вопросу, в частности в критических замечаниях о Родбертусе, содержащихся в книге «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)»¹.

В то время, когда Плеханов писал эту работу, «Теории прибавочной стоимости» еще не были опублико-

¹ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, стр. 95—96.

ваны. Он, следовательно, и здесь критиковал Родбертуса совершенно самостоятельно. В этой критике правильные положения переплетались с неправильными.

Указание Плеханова на ошибочность утверждения Родбертуса, будто рыночная стоимость (точнее, средняя цена) продуктов промышленности и продуктов земледелия каждая в отдельности равна их стоимости, было совершенно правильно. Плеханов верно отметил в нем одну из основных порочных посылок родбертусовской теории. Но когда Плеханов усматривает ошибочность этой теории в том, что Родбертус исследовал действие закона равной нормы прибыли и отклонение рыночных цен от стоимости только применительно к промышленности, забыв, что этот закон действует «одновременно на всей экономической территории общества», он неправ.

Родбертус выводил свою земельную ренту совсем не из того, что в земледелии будто бы не действует закон средней нормы прибыли, а в промышленности действует. Напротив, он, как указывает Маркс, рассуждал так: «Если сельскохозяйственный продукт — согласно всеобщему закону — продается в среднем по его стоимости, то он должен давать добавочную прибыль, alias (иначе говоря. — И. Б.) земельную ренту»¹. Ошибка Родбертуса в этом вопросе как раз в том и состояла, что в продаже продуктов земледелия по их стоимости он видел не исключение, а проявление установленного им общего правила, по которому средние цены продуктов каждой отрасли производства равны их стоимости, и поэтому даже не задавался вопросом о том, почему в земледелии продукты реализуются по их стоимости, превышающей цену производства и дающей дополнительный доход, «как если бы подобная продажа товара по его стоимости, но выше его средней цены составляла всеобщий закон капиталистического производства. *Напротив*, — подчеркивает Маркс, — надо показать, почему в производстве сырья — в виде исключения и в отличие от того разряда промышленных продуктов, стоимость которых точно так же стоит выше их средней

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, изд. 1957, стр. 86.

цены, — стоимости не понижаются до средних цен и вследствие этого дают добавочную прибыль, alias, земельную ренту»¹. И дальше Маркс указывает, что это объясняется монополией частной собственности на землю.

Плеханов же подчеркивал, что закон равного уровня прибыли действует одновременно «на всей экономической территории общества» и что, следовательно, вообще невозможно, чтобы в какой-либо отрасли реализованная норма прибыли превысила среднюю.

Указывая, что по теории Родбертуса средняя норма прибыли устанавливается сначала в промышленности, а затем уже распространяется на сельское хозяйство, Плеханов в примечании к этому месту говорит: «Именно в этом заключается, по нашему глубокому убеждению, ошибка Родбертуса. . .» Но как раз в этом Родбертус был прав. Он не мог объяснить, почему так происходит, но самый факт он подметил правильно.

В «Теориях прибавочной стоимости» на вопрос о том, чем определяется цена производства сельскохозяйственных продуктов, Маркс отвечает: «Нормой прибыли *неземледельческого капитала*», указывая, что исторически «земледельческая прибыль определяется промышленной прибылью, а не наоборот», так как капиталистическое производство появляется в земледелии позже, чем в индустрии².

Отрицание этого положения равносильно признанию того, что прибавочная стоимость, созданная в земледелии, принимает участие в образовании средней нормы прибыли наравне с прибавочной стоимостью, созданной в промышленности, что миграция капиталов из промышленности в земледелие совершается беспрепятственно, что реализация в земледелии более высокой нормы прибыли, нежели в промышленности, невозможна, а это равносильно отрицанию абсолютной ренты.

То обстоятельство, что в работе о Воронцове, при написании которой Плеханов был уже знаком с III томом «Капитала», он повторил против родбертусовской теории земельной ренты те же аргументы, которые были

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, изд. 1957, стр. 86.

² Там же, стр. 471.

выдвинуты им еще в очерке о Родбертусе, написанном до выхода в свет III тома «Капитала», естественно, вызывает вопрос, как же Плеханов отнесся к марксовской теории абсолютной ренты? На этот вопрос мы в опубликованных работах Плеханова не находим прямого ответа. Но замечания Плеханова на полях некоторых книг при сопоставлении их с характером критики им родбертусовской теории не оставляют сомнений в том, что хотя он открыто не выражал своего несогласия с учением Маркса об абсолютной ренте, но по существу стоял на позициях отрицания абсолютной ренты. Особенно убедительны в этом отношении его замечания на полях книги С. Булгакова «Капитализм и земледелие».

Булгаков, как показал Ленин, совершенно не понял теории ренты Маркса. Отстаивая антинаучную, буржуазную «теорию убывающего плодородия», он с ее позиций подверг ревизионистскому «пересмотру» марксову теорию земельной ренты. Смешивая два вида монополии, действующие в капиталистическом сельском хозяйстве, — обусловленную ограниченностью земли монополию капиталистического хозяйства, лежащую в основе дифференциальной ренты, и монополию частной собственности на землю, составляющую основу абсолютной ренты, — Булгаков утверждал, будто абсолютная рента есть лишь частный случай дифференциальной ренты, поскольку якобы в основе всякой ренты лежит монопольное владение одним из факторов производства, а именно землей. Булгаков, таким образом, по существу отрицал наличие абсолютной ренты в капиталистическом сельском хозяйстве.

Как же относился ко взглядам Булгакова на земельную ренту Плеханов? Замечания Плеханова на полях указанной книги Булгакова показывают, что он резко отрицательно относился к попытке последнего ревизовать учение Маркса с позиций пресловутой «теории убывающего плодородия», которую Плеханов, как мы видели, раскритиковал еще в своей ранней статье о Родбертусе.

Что же касается отношения Плеханова к булгаковской трактовке абсолютной ренты как разновидности дифференциальной ренты, то о нем можно судить на основе следующих замечаний Плеханова. Булгаков писал:

«Мы приходим к выводу, который коренным образом противоречит мнению Рикардо, сделавшемуся общепринятым в политической экономии: «хлеб становится дороже не вследствие того, что платится рента; напротив, рента платится вследствие того, что хлеб дорожает». Мы думаем, наоборот, выставить положение, что рента удорожает хлеб сравнительно с средними условиями его производства; чем выше рента, тем более цена хлеба поднимается над уровнем, диктуемым этими последними, чем ниже, тем более она к нему приближается». Плеханов, во-первых, иронически замечает по поводу этого места: «Открытие г. Булгакова»; во-вторых: «Даже и в твоём изложении выходит, что это делает не рента, а частная собственность на землю»¹.

В другом месте, по поводу указания Булгакова, что для Маркса дифференциальная рента не является «функцией земельной собственности» и что «как *Zugplusprofit* она могла бы существовать и без существования земельной собственности, которая даёт этой прибавочной прибыли форму ренты», Плеханов замечает: «I. Но функцией собственности (здесь — собственности капиталиста). II. Ренту создаёт (в этом смысле) частная собственность. Но это верно и в применении к «ренте» отдельных частей капиталистов-предпринимателей»². По поводу утверждения Булгакова, что «весь процесс образования цен на сельскохозяйственные продукты обусловлен присутствием земельной ренты, монополии, и высота ренты, несомненно, влияет на высоту цен, несмотря на то, что последняя затрата труда или капитала непосредственно не даёт ренты», Плеханов замечает: «Такая же монополия и в обрабатывающей промышленности»³. По поводу утверждения Булгакова, что известную ренту «при данном уровне экономического развития общества даёт всякая земля», Плеханов замечает: «Нет, не всякая»⁴.

¹ Замечания Плеханова на стр. 89 книги С. Булгакова «Капитализм и земледелие», т. I, изд. 1900, хранящейся в личной библиотеке Плеханова.

² Там же, стр. 95.

³ Там же, стр. 98.

⁴ Там же, стр. 125.

Как видим, Плеханов во всех приведенных замечаниях выражает свое несогласие с Булгаковым. Но в чем по существу состояло это несогласие? В то время как Булгаков выводил земельную ренту из «монополизации земли» (не проводя при этом различия между монополиями на землю как на объект хозяйства и монополией частной собственности на землю), Плеханов в приведенных замечаниях, возражая Булгакову, все время подчеркивает, что земельная рента обязана своим существованием капиталистической частной собственности как таковой и что земельную собственность следует рассматривать лишь как один из видов капиталистической частной собственности.

В отличие от Ленина, показавшего, что источником ошибочности взглядов Булгакова на дифференциальную и абсолютную земельную ренту являлось смешение им двух видов монополии на землю в капиталистическом сельском хозяйстве, Плеханов усматривал ошибочность этих взглядов в том, что Булгаков вообще выделял монополию на землю из остальных видов капиталистической собственности. Его замечания сводятся к тому, что земельную ренту следует рассматривать как частный случай дифференциальной прибыли и что никакого принципиального отличия между сельским хозяйством и промышленностью в данном отношении нет. С этим вполне согласовывалось его утверждение, что не всякая земля даёт ренту.

Возражения Плеханова против положений Булгакова об условиях существования земельной ренты, содержащиеся в его приведенных выше замечаниях, таким образом, отнюдь не были направлены против булгаковского отрицания абсолютной земельной ренты. Напротив, по своему существу они представляли собой еще более категорическое отрицание ее даже как «частного случая дифференциальной ренты», поскольку в них содержалось отрицание какого-либо специфического экономического значения земельной собственности в отличие от других видов капиталистической частной собственности.

А при таких условиях он, естественно, не мог понять истинного значения национализации земли и потому выступал против включения требования о национализации земли в программу партии.

Одной из особенностей развития капитализма в России являлось наличие в ее экономике значительных остатков крепостничества. В связи с этим аграрный вопрос в России приобретал особенно большое значение и отличался существенно иным содержанием, чем в западноевропейских странах. Правильно определить это содержание и в соответствии с этим сформулировать аграрные требования в программе марксистской рабочей партии можно было только на основе правильного, марксистского анализа аграрных отношений, сложившихся в пореформенной России, и последовательного применения марксистской теории земельной ренты. Между тем по этим вопросам Плеханов уже в рассматриваемый период придерживался ошибочных взглядов. Хотя он и видел, что в капиталистической России сохранялись остатки крепостничества, однако суть этих остатков он усматривал не в помещичьих латифундиях и связанных с ними феодально-крепостнических методах эксплуатации крестьян помещиками, а главным образом в эксплуатации крестьян государством. Поэтому он недооценивал значение продолжавшейся после реформы 1861 г. борьбы крестьянства против помещичьего землевладения и в связи с этим недооценивал также революционные возможности крестьянства в предстоявшей буржуазной революции.

Ошибочно представляя историю и характер аграрных отношений в России как отношений, определявшихся якобы всецело нуждами государства и состоявшихся в закрепощении крестьян государством, Плеханов не мог оценить подлинного значения выдвинутого Лениным требования национализации земли как средства наиболее радикальной ликвидации остатков крепостничества и расчистки дороги для свободного развития в деревне классовой борьбы пролетариата против сельской буржуазии.

Другим теоретическим источником возражений Плеханова против включения в программу партии требования о национализации земли служили его ошибочные взгляды на земельную ренту, сводившиеся по существу к отрицанию абсолютной ренты, к отрицанию специ-

ческого экономического значения частной собственности на землю по сравнению с другими видами капиталистической частной собственности.

Ошибочные воззрения Плеханова по аграрному вопросу и служившие их теоретическим источником неправильные взгляды на характер аграрных отношений в России и на абсолютную земельную ренту, свойственные ему в период, предшествовавший первой русской революции, служили одной из важнейших причин, обусловивших его ошибочные взгляды по вопросу о движущих силах назревавшей в России революции, и до известной степени предопределяли его последующий переход к меньшевизму.